

Н. П. Жилина

ИДЕЯ ДОМА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Анализ важнейшей культурной универсалии через оппозиции дом — мир, дом — свобода, дом — счастье с привлечением литературного и исторического контекстов позволяет обнаружить принадлежность главных героев к противоположным аксиологическим системам, что открывает новые возможности для интерпретации финала романа.

The article analyses the important cultural universal by means of the oppositions: home — peace; home — freedom, home — happiness in literary and historical context. This approach allows determining the affiliation of characters to the opposite axiological systems, which creates new opportunities for the interpretation of the denouement of the novel.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», Пушкин, дом, образ, аксиология.

Keywords: „Eugene Onegin“, Pushkin, home, image, axiology.

В работах о Пушкине не раз указывалось, что важнейшими понятиями для поэта всегда были *семья* и *дом*. В романе «Евгений Онегин» Петербург и деревня, по общему мнению исследователей, образуют оппозицию как противоположные друг другу пространства: Петербург как воплощение Запада, деревня — Руси. Важнейшее место в этом противопоставлении принадлежит образу дома. Воплощенный в петербургской жизни Онегина в искаженном, неистинном виде, в «деревенской» системе ценностей дом оказывается безусловным центром. Образ такого дома появляется в романе вместе с изображением семьи Лариных.

Деревенский уклад Лариных близок к природному существованию, а отсутствие духовных запросов восполняется сердечным простодушием, в самой размеренности их жизни проступает приверженность традициям и незыблемость уклада, именуемого патриархальным, а значит, несущим в себе *отцовское* начало. При всей духовной ограниченности главными и определяющими в жизни Лариных являются домашний уют и семейное тепло, объединяющее и связывающее их всех. Об этом свидетельствует и отношение Татьяны к ее близким: ярко выраженное внутреннее несходство («Она в семье своей родной // Казалась девочкой чужой...» [1, с. 47]) не становится преградой к ощущению родства — Татьяна испытывает несомненную душевную привязанность не только к няне (это отмечено многими исследователями), но и к родителям, и к Ольге. Особенно явно это проявляется в эпизоде прощания с младшей сестрой.

Идея *дома* как важнейшей ценностной категории, сформированной в сознании Татьяны патриархальным деревенским укладом, прямо противоположна мировоззренческим принципам, характерным для человека Нового времени, каким является Онегин. Особенно явно и отчетливо это проявилось в эпизоде их первого объяснения. В ответ на ее признание в любви он не случайно сразу же заговорил о семейной жизни, отказом от привычной любовной игры проявляя благородные

черты своей натуры. Хорошо поняв это, В.Г. Белинский писал об Онегине: «Если его могла еще интересовать поэзия страсти, то поэзия брака не только не интересовала его, но была для него противна» [2, с. 389]. В литературной традиции одной из самых распространенных сюжетных ситуаций (архетипом которой послужила притча о блудном сыне) является *уход* героя из дома и его *возвращение* домой. При этом именно через отношение героя к дому выявляется вектор направленности его духовных поисков. *Дом* и *семья* не представляют для Онегина никакого интереса и даже отталкивают своей кажущейся монотонностью, поэтому в сознании героя, в его ценностной иерархии дому отводится очень небольшое место. В его объяснении Татьяне возникает оппозиция *дом* – *мир* («Когда бы жизнь домашним кругом // Я ограничить захотел...» [1, с. 81]), где «домашний круг» воспринимается как ограниченное, замкнутое пространство, которое лишает человека свободы и из которого, по мысли Онегина, нет выхода в большой мир. Так возникает в сознании героя четкая антитеза *дом* – *свобода*. Нельзя при этом не отметить, что Онегин никогда не имел настоящего дома: его роскошная квартира в Петербурге не может восприниматься иначе как *псевдо-дом*, *ложный дом*, его дом в деревне, доставшийся в наследство от дяди, не успел стать для него *настоящим*, а после отъезда из деревни он окончательно погружается в состояние *бездомья*. Напрямую связанное с душевной пустотой, вызванной отсутствием ценностного стержня, это состояние спровоцировано и ситуацией «отказа от невесты». На подобную ситуацию обратил внимание А.М. Панченко при рассмотрении широко известной и на протяжении долгого времени пользовавшейся популярностью «Повести о Горе-Злочастии», созданной в XVII веке анонимным автором. В противоположность другим исследователям А.М. Панченко считает, что «кульминация этого произведения – не похвальба молодца на пиру, как часто полагают, а отказ героя от невесты, т.е. отказ от рода-племени. <...> Отречение от рода, – продолжает свою мысль ученый, – тождественно выбору индивидуальной судьбы», которая с традиционной точки зрения «есть одиночество и отщепенство» [3, с. 186]. Отказ героя от невесты, то есть от *семьи*, от *дома*, означает его принципиальный и безусловный разрыв со всем, что является для него *род-ственным*: с родом, народом, родиной.

Русское слово *дом* содержит в себе несколько основных значений, теснейшим образом связанных между собой. В словаре Даля они определены так: 1) строение для жилья; 2) семейство, семья, хозяева с домочадцами; 3) род, поколение [4, с. 465–466]. Уже в первом значении проявляется главная функция дома – защитная: *дом*, прежде всего, означает жилище, место обитания, защищающее и укрывающее человека (отсюда синоним *кров*). Однако это понятие существует еще и в качестве культурной универсалии, которая в более широком смысле начинает перерастать в такие понятия, как *отчий дом*, *родина*, *Отечество*: «Дом – в народной культуре средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков)» [5, с. 168]. Но семантика *дома* не исчерпывается только этими значениями. Воспринимаясь, прежде всего, в качестве главного материализующего начала (семьи, рода), *дом* является еще и чрезвычайно емким символом: «С одной стороны, дом строится как уменьшенная

модель вселенной; с другой стороны, с ним сравнивается и человеческое тело. Дом синонимичен Храму и противопоставлен Дворцу... Происходит это потому, что изначально, с древнейших времен, дом мыслится как *центр мира*, святилище Рода» [6, с. 159]. Справедлива мысль Т.И. Радомской о том, что значимость феномена дома в творчестве Пушкина «обусловлена и особым местом этой категории в отечественной традиции. <...> Семья, отец, дом — эта парадигма родственно-семейных отношений восходила к парадигме духовной — Дом Небесный, Отец Небесный — и соотносилась с ней. Кровное, родственное, семейное освящалось духовным, причем духовное не отменяло человеческого, но преображало его. Сама семья (дом земной), в духовной национальной традиции освященная таинством венчания, приобщалась к Дому Небесному и являлась “малой церковью”» [7, с. 4–5]. Становится понятно, что, решив не ограничивать свою жизнь «домашним кругом» и тем самым отказавшись от дома, Онегин лишил себя всех самых главных (не только земных, но и духовных) ценностей, а с ними — и самого смысла жизни. Влюбленность в Татьяну приводит к смене аксиологии в сознании Онегина: скептик, отвергавший ранее какие бы то ни было ценности и идеалы, он признает теперь любовь как высшую ценность в жизни. Но для Татьяны восприятие любовной страсти как самой главной жизненной ценности уже в далеком прошлом, эта аксиологическая система внутренне постигнута и отвергнута ею, и потому чувство Онегина выглядит в ее глазах «обидной страстью». Изменения, произошедшие в ценностной иерархии, перестраивают и картину мира героини — теперь одно из самых главных мест в ней занимает дом. Именно этим, в первую очередь, обусловлено согласие Татьяны на брак, непонятное для многих исследователей.

Современному читателю трудно даже представить всю степень необычности поступка, совершенного Татьяной. Уже в начале XVIII века «семья очень быстро подвергалась такой же поверхностной европеизации, как и одежда. Женщина стала считать нужным, модным иметь любовника, без этого она как бы “отставала” от времени. Кокетство, балы, танцы, пение — вот женские занятия. Семья, хозяйство, воспитание детей отходили на задний план» [9, с. 213–214]. По прошествии столетия любовная страсть стала восприниматься как высшая ценность, в самой себе содержащая этическое, нравственное начало, — именно поэтому поступок Татьяны неоднократно подвергался порицанию и прямому осуждению. Хорошо известно мнение Белинского, считавшего, что Татьяна, не оценив искренней и глубокой, «пламенной страсти» [2, с. 395] Онегина, в своем последнем объяснении с ним проявила «тщеславие добродетелью» [Там же, с. 421] и страх за нее. Этот упрек можно было услышать и от многих позднейших критиков. Между тем пушкинская героиня, отказывая Онегину, «защищает не просто “свое доброе имя”, а первым делом честь *своей любви*. И говорит “мой позор” не от лица общества, “большого света”, а по собственному своему пониманию вещей, по объективному, в ее представлении, смыслу того, на что провоцирует ее Онегин своими “письмами и слезами”» [10, с. 113–114].

Принадлежность к противоположным аксиологическим системам заставляет главных героев пушкинского романа различным образом воспринимать те отношения, которые могли бы теперь сложиться ме-

жду ними: то, что Онегину представляется честью, для Татьяны с ее твердыми нравственными принципами, противоречащими установкам света, но укорененными в национальной народной традиции, — позором. Неравнозначные пути проходят пушкинские герои в своем духовном развитии. В юности игра в страсть так увлекла Онегина, что он растратил на нее все свои душевные силы. В финале же энергия пламенной страсти по-настоящему захватывает его, но возродить его души она не может. В Татьяне Пушкин показывает преодоление страсти во имя утверждения истинного чувства — это любовь, которая, в противоположность онегинской, «не ищет своего» [1 Кор. 13:5]. Как точно отмечено Т. И. Радомской, в полном согласии с национальной духовной традицией «Татьяна устроит свой образ» соответственно «чувству присутствия правды Божией в окружающем мире. В этом смысле становится понятным значение ее имени — Татьяна (греч.) — организующая, устроющая» [7, с. 136]. Онегину неведома простая истина, открытая Татьяне: главный смысл земной человеческой жизни заключается в «домостроительстве» собственной души с целью ее *обожения*, то есть приближения к идеалу, которым для православного человека всегда является Христос. «Вольность и покой», к которым так стремился Онегин, остались для него недостижимыми. «Покойна и вольна» в финале Татьяна — она достигла той независимости и настоящей внутренней свободы, которых он так и не смог обрести.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 5.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 6.
3. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3. (XVII — начало XVIII века). М., 1996.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 1.
5. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995.
6. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2001.
7. Радомская Т. И. Дом и отечество в русской классической литературе первой трети XIX в.: Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М., 2006.
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
9. Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4. (XVIII — начало XIX века). М., 1996.
10. Глушкова Т. Испытание счастьем: Национально-духовный идеал в «Евгении Онегине» // Московский пушкинист — VIII. М., 2000.

Об авторе

Н. П. Жилина — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, nzhilina@rambler.ru

Author

Dr. N. Zhilina — Associate Professor, IKSUR, nzhilina@rambler.ru

